

ДЖЕННИФЕР
ЛИНН БАРНС

ВА-БАНК

LIKE
BOOK
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б25

Jennifer Lynn Barnes
All In

Copyright © Jennifer Lynn Barnes, 2015
This edition published by arrangement
with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *М. Кармановой*
Художественное оформление *Я. Клыга*

Барнс, Дженнифер Линн.

Б25 Ва-банк / Дженнифер Линн Барнс ; [перевод с английского
М. Кармановой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-215896-4

В разных казино Лас-Вегаса были найдены три тела. Кэсси Хоббс и команда «Прирожденных» вновь вынуждены подключиться к расследованию. Но даже с их уникальными талантами в профайлинге дело кажется слишком запутанным.

В отличие от других серийных убийц, этот каждый раз использует разные методы. Преступник оставляет на запястьях жертв визитные карточки в виде татуировок с набором цифр. Похоже, что в них скрыт какой-то код, и это лишь одна из загадок, которую «Прирожденным» придется решить.

Тем временем Кэсси сталкивается со своей собственной тайной, не менее опасной. Впервые за много лет появляется зацепка в деле ее матери.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Карманова, перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215896-4

Энтони, моему сообщнику — сейчас и всегда.

ТЫ

Подсчитать можно все. Сколько волос у нее на голове. Сколько слов она тебе сказала. Сколько вдохов ей осталось.

На самом деле это прекрасно. Числа. Девушка. Все твои расчеты.

То, кем тебе предначертано стать.

ГЛАВА 1

Канун Нового года выпал на воскресенье. Проблем было бы меньше, если бы бабушка не считала «Собирай семейство свое за воскресным столом» непреложной заповедью или если бы дядюшка Рио не назначил себя виночерпием.

Вина было в избытке.

К моменту, когда мы стали убирать со стола, было вполне ясно, что никто из взрослых поехать домой в ближайшее время будет не в состоянии. Учитывая, что у моего отца было семеро братьев и сестер, все семейные, некоторые с детьми на десяток лет старше меня, «взрослых» здесь было в избытке. Когда я несла стопку тарелок в кухню, у меня за спиной кипело с десяток или больше споров, и их почти — но не совсем — заглушали взрывы неистового смеха.

Со стороны это выглядело как хаос. Но для профайлера все было просто. Легко понятно. Объяснимо. Это была семья. *Какая именно* семья, из каких людей она состояла — это читалось в деталях, в том, как рубашки были заправлены или надеты навыпуск, как звякали столовыми приборами — громко и одновременно бережно.

— Кэсси. — Мой двоюродный дедушка блаженно улыбнулся, глядя на меня затуманенным взглядом, когда я вошла в кухню. — Скучаешь по семье, а? Приехала навестить своего старого дядюшку Рио!

Все в этом доме считали, что последние шесть месяцев я провела в программе для одаренных детей, которую оплачивало государство. Вроде закрытой школы. Отчасти это была правда.

Вроде того.

— Пх! — Бабушка неодобрительно хмыкнула в сторону дядюшки Рио, взяла у меня из рук стопку тарелок и переместила их к раковине. — Кэсси вернулась сюда не ради старых дураков, которые слишком много пьют и слишком много говорят. — Бабушка закатила глаза и открыла кран. — Она приехала повидать бабулю. Извиниться за то, что не звонила.

Два обвинения в одной реплике. Дядя Рио почти что сохранил невозмутимость. Я же, как бабушка и рассчитывала, ощутила укол вины и подошла к раковине следом за ней.

— Давай, — сказала я. — Все сделаю.

Бабушка хмыкнула, но отодвинулась. Было что-то успокаивающее в том, что она не менялась, оставаясь прежней: отчасти мать-наседка, отчасти диктатор, который правит своей семьей с помощью запеченных зити¹ и железной хватки.

«Но я не прежняя. — От этой мысли было не уйти. — Я изменилась». У новой Кассандры Хоббс стало больше шрамов — и метафорических, и буквальных.

¹ Зити — разновидность макаронных изделий, распространенная в Южной Италии. Запеченные зити популярны в итало-американской кухне.

— Она так сердится, если ты слишком долго не звонишь, — сообщил мне дядя Рио, кивнув на бабушку. — Но, может, ты занята? — Его лицо осветила некая мысль, и он пристально всмотрелся в меня. — Сердцеда! — заявил он. — Скольких парней ты от нас скрыла?

— Нет у меня парня.

Дядя Рио уже много раз обвинял меня в том, что я не рассказываю ему о своих парнях. Теперь он в первый и единственный раз оказался прав.

— Ты, — бабушка показала на дядюшку Рио лопаткой, которая появилась у нее в руке будто из ниоткуда. — Вон.

Он настороженно взглянул на лопатку, но не уступил.

— Вон!

Через три секунды мы с бабушкой остались в кухне одни. Она стояла и разглядывала меня; ее лицо слегка смягчилось.

— Парень, который забирал тебя прошлым летом, — сказала она. — Тот, с модной машиной. Он хорошо целуется?

— Бабушка! — воскликнула я.

— У меня восемь детей, — сообщила она. — Я разбираюсь в поцелуях.

— Нет, — быстро ответила я, сосредоточившись на мытье тарелок и стараясь не слишком задумываться о ее словах. — Мы с Майклом не... У нас...

— Аххх, — понимающе произнесла бабушка. — Не так уж и хорошо целуется. — Она утешительно похлопала меня по плечу. — Он еще молодой. Научится!

Этот разговор повергал меня в ужас сразу на нескольких уровнях, не в последнюю очередь из-за того, что целовалась я не с *Майклом*. Но если бабушка предпочитает считать, что я так редко звонила домой, потому что погрузилась в любовные страдания, не буду ей мешать.

Эту пилюлю было легче проглотить, чем правду: я погрузилась в мир жертв и мотивов, убийц и трупов. Меня брали в заложники. Дважды. Я по-прежнему просыпалась ночью, вспоминая, как стяжки впиваются в запястья, как в ушах звенит от звука выстрелов. Иногда, закрывая глаза, я видела, как свет играет на окровавленном лезвии ножа.

— Тебе нравится эта твоя школа? — Бабушка изо всех сил постаралась, чтобы это прозвучало непринужденно. Но меня она не обманула. Я прожила с бабушкой со стороны отца пять лет, прежде чем вступила в программу обучения *прирожденных*. Она хотела, чтобы я была в безопасности, чтобы я была счастлива. Она хотела, чтобы я осталась *здесь*.

— Да, — ответила я ей. — Нравится. — Мне не пришлось врать. Впервые в жизни я чувствовала, что нахожусь на своем месте. С другими *прирожденными* мне не приходилось делать вид, что я не та, кем являюсь на самом деле. Да я и не смогла бы, даже если бы хотела.

В доме, полном людей, которые видели то, что упускали все остальные, скрывать что-то было невозможно.

— Ты хорошо выглядишь, — неохотно признала бабушка. — А теперь, когда я тебя неделю кормила, еще лучше. — Она снова хмыкнула, а потом мягко оттолкнула меня в сторону и взялась за мытье посуды. — Я дам тебе еды с собой, — заявила она. — Этот парень, который тебя забирал, он слишком худой. Может, начнет лучше целоваться, если нарастит немного мяса на костях.

Я прыснула.

— Что за разговоры о поцелуях? — послышалось от дверей. Я ожидала увидеть одного из братьев отца. Но вместо этого я увидела его самого. Я замерла. Сейчас он работал за

границей, и мы не ожидали его возвращения в ближайшие пару дней.

В последний раз я видела его больше года назад.

— Кэсси. — Папа неловко улыбнулся мне — на пару оттенков слабее настоящей улыбки.

Я подумала о Майкле. Он бы смог точно прочесть, что означает напряжение на лице отца. Я же была профайлером. Я могла взять набор мелких деталей — вещи, которые человек брал с собой, слова, которые он выбирал, чтобы поздороваться, — и соединить их в общую картину — кто он такой, чего он хочет, как он будет вести себя в той или иной ситуации.

Но что именно означает эта не-совсем-улыбка? Какие эмоции скрывает отец? Испытал ли он вспышку признания, или гордости, или хоть каких-то отцовских чувств, когда посмотрел на меня?

Этого я не знала.

— Кассандра, — с упреком сказала бабушка, — поздоровайся с папой.

Прежде чем я успела что-то сказать, бабушка обняла его и крепко жала. Она поцеловала его, потом несколько раз стукнула, потом поцеловала снова.

— Ты рано вернулся. — Бабушка наконец-то отпустила своего блудного сына. Она посмотрела на него — наверное, она так же смотрела на него, когда он был маленьким мальчиком, который натащил грязи на ковер. — Почему?

Папа перевел взгляд на меня:

— Мне нужно поговорить с Кэсси.

Бабушка прищурилась.

— И о чем это тебе нужно поговорить с Кэсси? — Бабушка ткнула его в грудь. Несколько раз. — Ей нравится в новой школе, и у нее есть парень, худой такой.

Я едва заметила, что она произнесла это с нажимом. Отец поглощал все мое внимание. Он выглядел слегка помятым. Будто не спал всю ночь. Он избегал смотреть мне в глаза.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего, — ответила бабушка голосом шерифа, объявляющего военное положение. — Все в порядке. — Она повернулась к отцу. — Скажи ей, что все в порядке, — приказала она.

Папа пересек комнату и мягко положил руки мне на плечи.

Обычно ты обходишься без таких нежностей.

Я мысленно перебрала все, что знала о нем, — наши отношения, то, каким человеком он был, то, что он вообще оказался здесь. Желудок словно наполнился свинцом. У меня внезапно возникло ощущение, будто я уже знаю, что он скажет. Это знание парализовало меня. Я не могла дышать. Я не могла моргать.

— Кэсси, — тихо сказал папа. — Это насчет твоей матери.

ГЛАВА 2

Между «считается погибшей» и «погибла» есть разница — разница между моментом, когда тыходишь в мамину гримерную, залитую кровью, и моментом, когда через пять лет тебе сообщают, что обнаружено тело. Когда мне было двенадцать, тринадцать, четырнадцать, я каждую ночь молилась, чтобы кто-то нашел маму, чтобы полиция оказалась не права, чтобы каким-то образом, несмотря на все улики, несмотря на количество крови, которое она потеряла, ее все-таки нашли. Живой.

В конце концов я перестала надеяться и начала молиться, чтобы нашли ее тело. Я представляла, как меня вызовут опознавать останки. Я представляла, как попрощаюсь с ней. Я представляла, как ее похороню.

Такого я не представляла.

— Они уверены, что это она? — спросила я тихо, но спокойно.

Мы с папой сидели напротив друг друга на качающейся скамейке, подвешенной на крыльце. Только мы и больше никого — максимальная степень уединения, которой можно было добиться в бабушкином доме.

— Место совпадает. — Он ответил, не поднимая глаз на меня — глядя в ночь. — И время тоже. Они пытаются опознать по состоянию зубов, но вы двое столько переезжали... — Внезапно он осознал, что рассказывает мне то, что я и так знаю.

Найти мамину стоматологическую карту будет непросто.

— Они нашли это. — Папа показал мне тонкую серебристую цепочку. На ней висел маленький красный камень.

У меня перехватило горло.

Это ее.

Я сглотнула, отгоняя эту мысль, словно могла забыть ее отчаянным усилием воли. Папа протянул цепочку мне. Я покачала головой.

Это ее.

Я понимала, что мама почти наверняка мертва. Я *знала* это. Я верила в это. Но теперь, глядя на ожерелье, которое было на ней той ночью, я не могла дышать.

— Это улика, — с усилием выговорила я. — Полиция не должна была отдавать ее тебе. Это улика.

О чем они думали? Я работала с ФБР всего шесть месяцев. Большую часть этого времени я оставалась за сценой, но даже я знала, что нельзя нарушать правила хранения улик только для того, чтобы девочка, потерявшая мать, смогла получить что-то, что принадлежало матери.

— На нем не было никаких отпечатков, — заверил папа. — Никаких следов.

— Пусть оставят себе, — выдавила я, встала и подошла к краю крыльца. — Им может понадобиться. Для идентификации.

Прошло пять лет. Если они искали стоматологические записи, значит, *мне* там опознавать уже нечего. *Остались только кости.*